

8 июля 1973 г.

П Е Р Е Д ЗЕРКАЛОМ Ж И З Н И

АКТЕРЫ-БОЙЦЫ вставали чуть свет, отправлялись пешком на передовые позиции фронта, который был под самым Ленинградом. Жили бойцы агитзвода на казарменном положении в Доме офицеров. Давали по 7—8 концертов в сутки, возвращались, когда было темно. Сценической площадкой агитзводу служили чистое поле, перелески, окопы, землянки. Вместе со зрительскими аплодисментами звучали автоматные очереди, сценическое освещение заменялось вспышками ракет и снарядов, аккомпанемент сливался с грохотом стрельбы.

В этом агитзводе все годы войны и блокады работал молодой артист Ефим Копелян, окончивший незадолго до войны студию Большого драматического театра имени М. Горького. Суровое военное время научило молодого актера волевой собранности, мужеству, душевному самообладанию. Это наложило отпечаток на все его дальнейшее творчество.

Экспрессия и напряженность мысли, подлинное исследование внутреннего мира героя и при этом минимум внешних выразительных средств, почти аскетический лаконизм жеста, движения, интонации — такова актерская индивидуальность Копеляна. Этим почерком отмечены все его лучшие работы.

Вот Савва Морозов в фильме «Николай Бауман» и спектакле Академического Большого драматического театра имени М. Горького «Третья стража». Интересно, что авторы пьесы Г. Капралов и С. Туманов создавали образ именно для Копеляна, ориентируясь на его своеобразную творческую индивидуальность. И артист сумел глубоко исследовать ум и душу своего героя, раскрыть социальную и личную драму фабриканта-миллионера, ненавидевшего свой класс, помогавшего революционерам.

Поначалу кажется, что этот человек в дорогой меховой шубе, с накупленным, мрачноватым взглядом чувствует себя прочно и уверенно всюду — будь то кулисы Московского Художественного театра, собственный роскошный особняк или шумный трактирчик на перепутье. Он миловисто шутит, небрежно отвечает на поклоны, невозмутимо, будто это самое пустяковое дело, помогает рабочему спрятать чемодан со шрифтом подпольной типографии, уйти из рук полиции. Широко, доброжелателен и радушен он в своем доме с Бауманом, которого укрывает от полицейских и сыщиков.

Но тревожным, беспокойным блеском горят глаза Саввы, грызут его неотступные мучительные думы о смысле, вернее о бессмыслице своей жизни, о судьбах России, о чудовищном гнете, под которым изнывает страна... Все эти думы выливаются в пытливые, жадные вопросы Бауману. Морозов у Копеляна словно пытается почерпнуть у революционера крупицу жизненной силы, уверенности в жизненном призвании. Но нет, не сможет он пойти с революционерами! Эти сцены, где сталкиваются взгляды, возникают споры, а подчас и контакты — самые интересные в спектакле. А ведь это очень трудно — привлекать внимание зрителей самой сутью теоретического спора на сцене, процессом рождения мысли.

Много интересных писем получил артист от зрителей после того, как сыграл Савву Морозова. Особенно примечательно письмо двадцатилетней работницы из Свердловской области. Она пишет, что роли Копеляна, особенно роль Саввы Морозова, заставили ее серьезно задуматься над трудом артистов. Ранее ее привлекали лишь молодость и эффектность сценических героев. «А ведь Вы не молодой, и роли у Вас разные, не всегда положительные, — размышляет она, — но Вы производите огромное впечатление. Ваши герои живые, они входят в душу, помогают мне жить». «Во всех Ваших ролях, в том числе и злодейских, Ваша доброта где-нибудь да выскочит наружу», — пишет другая.

МАСТЕРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЦЕНЫ

Эта зрительница не одинока в своем мнении: действительно жизненной, многоплановостью, трагедийной достоверностью отмечены отрицательные персонажи, сыгранные артистом. Когда на экраны вышла картина «Преступление и наказание», в которой Копелян воплотил образ Свидригайлова, литературоведы подчеркивали, что артист точно раскрыл смысл образа, созданного Достоевским. Копелян создал характер человека умного, принципиального, сильного. Но все эти качества были абсолютно бесполезны, ибо Свидригайлова развлекли бесконечный скептицизм и неверие. Даже добро он делал с абсолютным безразличием. Актер своей работой доказывал, что существование без нравственных убеждений и идеалов становится бессмысленным, безнравственным.

А в образе атамана Каргина (фильм «Даурия») Копелян с такой же исчерпывающей убежденностью подчеркнула трагизм служения героя ложной идее. Запомнился его немногословный Каргин, честно несущий свою службу, у которого слишком поздно «первое шевельнулась горькая, заставившая его похолодеть, мысль, что борется он за безнадежное дело».

Широко известен афоризм К. С. Станиславского о том, что, играя злого, надо искать, где он добрый. Но воплотить эту мысль, облечь ее в живую плоть и кровь сценического образа нелегко. Тут нужна очень верная мера того и другого, мера, найденная не умозрительно, а почерпнутая из опыта. Ее, эту меру, вместе с режиссурой, требовательно ищет Копелян.

НО САМ ОН любит играть героев с добрым сердцем: ему близки гуманистические мотивы. Роль Марио в спектакле «Синьор Марио пишет комедию» была в этом смысле художественным открытием для артиста. Когда Георгий Александрович Товстоногов поручил ему роль, это было неожиданностью для актера — до сих пор он чаще играл героев отрицательного плана. Но Товстоногов безошибочно знает потенциальные и скрытые возможности своих артистов.

Творческая манера Копеляна, его умение четко нести мысль, мимическое «красноречие», страстность внутренней духовной жизни — все это органически легло на образ итальянского литератора, которому поручили написать комедию и который не смог и не захотел приукрашивать современную ему действительность. Марио начинает добросовестно сочинять веселую историю о крестьянском парне и его невесте, соблазненной лейтенантом. Но жизнь вносит свои жесткие коррективы в его «комедию». Герои пьесы как бы оживают и начинают действовать самостоятельно.

Горестное изумление застывает на бледном лице Марио — Копеляна: так и есть, опять все поворачивается совсем не в ту сторону! Парень душит своего обидчика. И вдруг Марио у Копеляна тоже сжимает непроизвольно руки и никак не может их разомкнуть. Его страдальческий взгляд неподвижен, он молчит.

Копелян умеет в паузах передать непрерывность духовной жизни своего героя. Вспомним, как смотрит Вершинин — Копелян на Машу в «Трех сестрах», когда он впервые появляется в доме Прозоровых. Вошел человек в офицерской шинели в милый, симпатичный дом трех мечтательниц, безнадежно рвущихся в Москву, и

вдруг пристально, испытующе, чуть тревожно и ласково посмотрел на ту, которая станет его светом в окошке, его маяком в бездорожье. И мы, находясь в зале, уже всерьез заинтересовались этим человеком. В Вершинине Копеляна истинного от внешней выправки, подтянутости. Он — много повидавший и переживший человек, с печатью усталости на лице, исколесивший со своей батареей бесконечные ленты российских дорог.

Как всегда сдержанно и глубоко раскрывает Копелян драму российского интеллигента той поры, с благородными порывами, с тонкими душевными запросами, которого засосала тина унылых серых будней. Радостно хвалит он дом Прозоровых, в котором ему так легко дышится, так уютно после убогих, случайных квартир в его кочевой жизни. И за этими словами встает целая судьба, неустроенная, несостоявшаяся...

Впрочем, действительно ли несостоявшаяся? В том-то и дело, что Копелян несет, очень подспудно, очень потенциально мотив неистребимой тяги Вершинина к лучшей доле. И когда его герой тихо, с затаенной страстью и ликованием говорит Маше о своей любви, в спектакле ошутимо возникает чеховская мысль об изумительной силе любви вопреки всему и вся. Герой Копеляна сохранил именно тем, что сохраняет, несмотря на всю мертвящую скуку своего существования, неизменный интерес к жизни. И недаром его раздумья о назначении человека, о его будущем, для которого живет и трудится нынешнее поколение, звучат у артиста весомо, выстраданно, убежденно.

Очень легко чувствует себя артист и в комедийных ролях. Разве мы можем забыть неторопливого, молчаливого старого грузина Иллариона в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион», который очень смешон именно этой своей преувеличенной серьезностью.

А купец Микич Котрянд в спектакле «Ханума»! Как и все исполнители этого заразительно веселого водевиля с музыкой, пантомимой и танцами, Е. Копелян творит с удивительной непринужденностью. Впечатление такое, что все это рождается сейчас, на глазах у зрителя.

Герой Копеляна одурочен. Одурачен вдвойне — и свахой Ханумой, и старым князем. Актер доводит до сценической гиперболы шоковое состояние купца. Трагизм положения, тупость героя, веселая ирония исполнителя — все это образует единый комедийный сплав.

В одном короткометражном фильме Копелян сыграл небольшую роль учителя географии. Недавно фильм показали в юбилейном выпуске «Фитиля». И снова множество писем от зрителей. На этот раз от педагогов. Один узнал в этой зарисовке конкретное лицо, другой удивляется типичной меткости зарисовки, третий, отдавая дань этой юмореске, выражает пожелание, чтобы артисту довелось изобразить в кино план на сцене прекрасный, самоотверженный и благодарный труд педагога во всех его сложностях. Не ослабевают, а расширяется контакт артиста со зрителями. Потому что знает он живую жизнь, в ее зеркале ищет свои индивидуальные и в то же время типические образы.

О. ПЕРСИДСКАЯ

На снимке: народный артист РСФСР Е. Копелян.

